

Радзивілла Чорному), їхнім замкам-резиденціям (Мірський та Несвіжський замки), сакральній архітектурі (костел Божого Тіла (Фарний) Миколи Христофора Радзивілла Сиротки).

1. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 217–219.*
2. *Вирський Д. С. Радзивілл / Д. С. Вирський // Енциклопедія історії України: в 10 т. / редкол. В. А. Смолій та ін. – К.: Наукова думка, 2003–2013. – Т. 9. : Прил–С. – 2012. – С. 103–104.*
3. *Фармірованне калекцый музея «Замкавы комплекс «Мір» (1989–2015) // Аўт. тэксту: В. Папко, Н. Усава; навук рэд. В. М. Папко. – Мір : Музей «Замкавы комплекс «Мір», 2016. – 88 с.*
4. *Памятные монеты «Мірскі замак» («Мирский замок») [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/Coins/Commemorative/?id=81>.*
5. *Коршунова Н. Г. Символика интерьеров Большого Царскосельского дворца и Несвижского замка / Н. Г. Коршунова // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры : зборнік навуковых артыкулаў // рэдкал. : В. М. Папко [і інш.]. – Мінск : Медысон, 2013. – С. 87–96.*
6. *Возняк О. Історія роду Радзивіллів [Электронний ресурс] / О. Возняк. – Режим доступу: <http://www.starodavnij-volodymyr.com.ua/publikacii/26-storya-rodu-radzivilliv.html>.*
7. *Памятные монеты «Замак Радзівілаў. Нясвіж» («Замок Радзивиллов. Несвиж») [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/Coins/Commemorative/?id=86>.*
8. *Фарный костел в Несвиже [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <http://allby.tv/article/656/farniy-kostel-v-nesviye>.*
9. *Памятные монеты «Фарны касцёл. Нясвіж» («Фарный костел. Несвиж») [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/Coins/Commemorative/?id=87>.*
10. *Слуцкие пояса [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture/slutsk-belts>.*
11. *Памятные монеты «Слуцкія паясы. Радзівілы» («Слуцкие пояса. Радзивиллы») [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/Coins/Commemorative/?id=304>.*
12. *Радзівілы: лёсы краіны і роду. Творы са збору Мацяя Радзівіла (Варшава) у Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь (Мінск). Каталог твораў мистецтва выставы (14.02–16.04.2017). – Мінск : «Галіяфы», 2017. – 98 с.*
13. *Попко О. Портреты князей Радзивиллов. Из коллекции князя Константина Гогенлоэ-Шиллингсфюрста / О. Попко. – Минск : Zimaletto, 2014. – 102 с.*
14. *Памятные монеты «Мікалай Радзівіл Чорны» («Николай Радзивилл Черный») [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/Coins/Commemorative/?id=332>.*

Віктор ЖОВТЯНСЬКИЙ (Київ)

НЕВІДОМА ОЛИКА ХІХ СТОЛІТТЯ

На основі матеріалів рукопису священика Стрітенської церкви в колишньому передмісті Залісоче містечка Олика Миколи Червінського висвітлюються невідомі сторінки історії цього містечка у ХІХ столітті, зокрема – щодо стану освіти. Наведена структура рукопису М. Червінського як кращого зразка релігійного краєзнавства. Детально представлені такі підрозділи рукопису як загальна характеристика парафіян, їхній зовнішній та економічний побут. Наведені точні спостереження молодого тоді священика щодо характеру збережених в олицькій спільноті традицій Магдебурзького права. Наголошується, що більшу частину ХІХ століття олицькі міщани провели в судовій тяганині з Радзивіллами за права на землю. Підкреслюється доволі високий рівень освіти та культури мешканців Олики – міщан та селян – та його відмінність від навколишніх сіл. Характеризуються особливості міжнаціонального спілкування в містечку.

Ключові слова: Релігійне краєзнавство, Олика багатонаціональна, Стрітенська церква, освіта, культура, народний побут, князі Радзивілли, Магдебурзьке право

1. Вступ

До останнього часу найзмістовнішими джерелами інформації про Олику ХІХ століття можна було вважати публікації А. Сендульського [1] та М. Теодоровича [2], книгу Ю. Крашевського «Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy» [3] (1838 р., неодноразово перевидавалась) та невеликої статті В. Переговського у «Волинських губернських відомостях» [4].

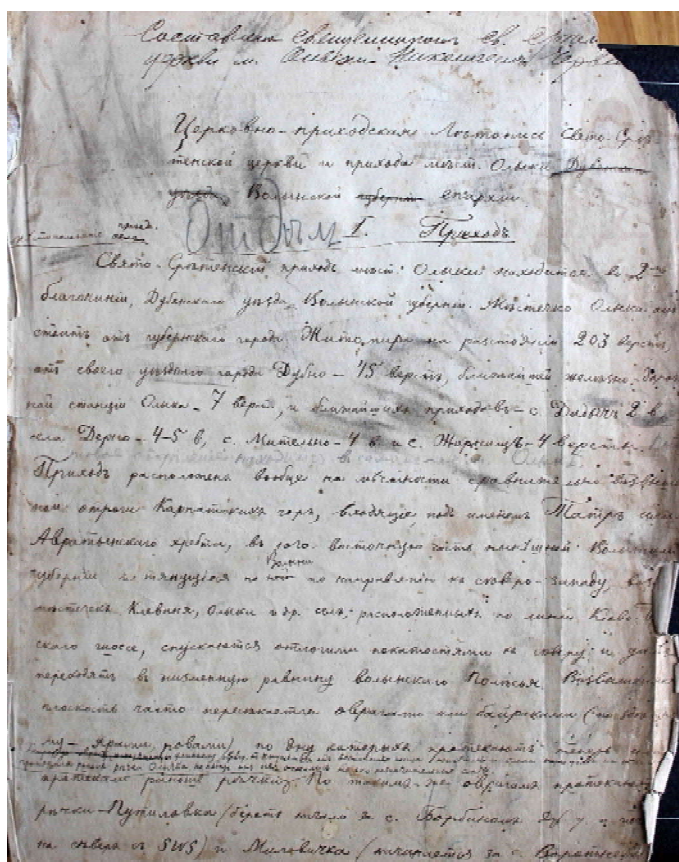
Проте незрівнянно більше інформації несе в собі рукопис «Церковно-приходская летопись Свято-Сретенской церкви и прихода мест. Олыки Волинской епархии» [5] обсягом майже 150 сторінок молодого тоді священника Миколи Червінського згаданої церкви в олицькому передмісті Залісочі, про знахідку якого у цій церкві автор уже повідомляв громадськості [6 – 10]. Грунтуючись на матеріалах цього рукопису, в пропонованій публікації висвітлені невідомі сучасникам сторінки побутування Олики того періоду.

Окрема увага приділена стосункам князів Радзивіллів та міщан.

2. Рукопис отця Миколи Червінського – кращий зразок релігійного краєзнавства

Автор має дуже своєрідну «лабораторію» краєзнавства, основою якої є архів місцевої Стретенської церкви, завдяки сприянню священника о. Павла (П. Шматюка) та церковного старости Івана Новосада, колишнього учня автора в місцевій школі.

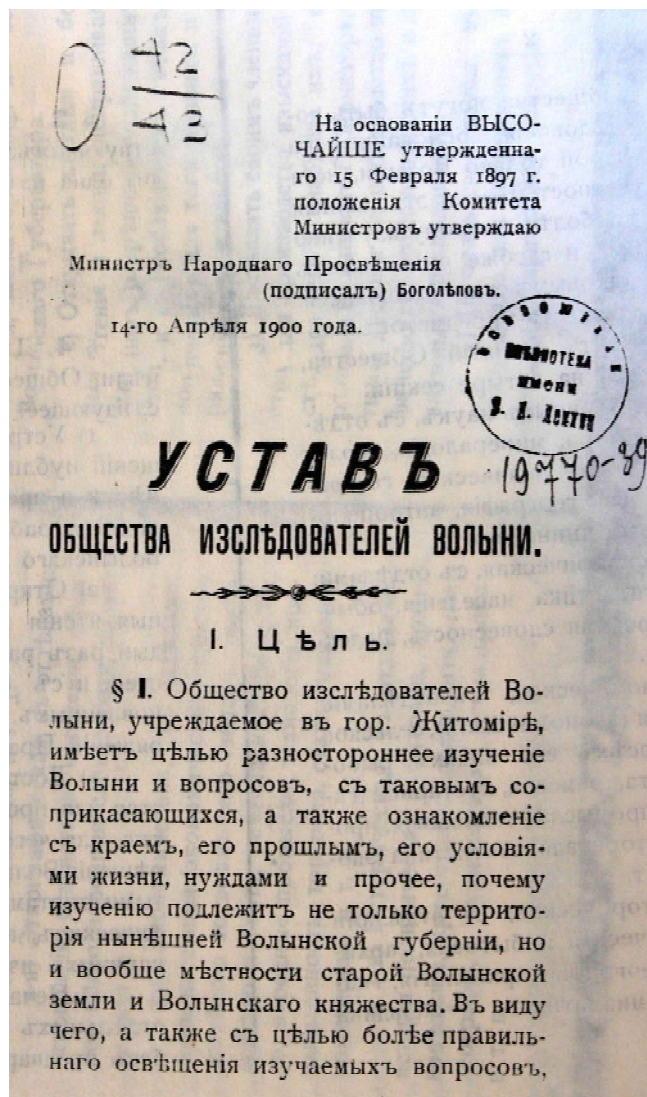
Серед матеріалів архіву особливу увагу автора привернув уже згаданий доволі таки ветхий рукопис (точніше – його чернетка) [5]. Перша сторінка показана на мал. 1, з якого добре помітно, що це є саме чернетка рукопису.

Мал. 1. Перша сторінка чернетки рукопису о. Миколи Червінського

Сама історія знахідки вже має певне продовження. Кілька років тому у Державному архіві Житомирської області (ДАЖО) автору випадково попалась на очі у картотеці згадка про оригінал. Проте з'ясувалося, що він давно вже переданий у Київ до Центрального державного історичного архіву. І ось з хвилюванням тримаю в руках опис фонду, де чорним по білому начертане «Церковно-приходская летопись Сретенской церкви и прихода м. Олыка», а праворуч... маленький штампик: „Выбыло» (звісно – російською, бо все це колись було у відомстві НКВС – аякже: історична пам'ять). І «выбыло» воно ще до 1983 р. Люди, втаємничені в архівну справу, кажуть, що, скоріше всього, про це вже подбав КДБ...

Як би там не було, виявляється, що ще в кінці 1893 р. у Житомирі було створене так зване Волинське церковно-археологічне товариство з метою „приведення до відома та збереження історичних пам'ятників древньої Волині та їх вченої розробки” [11]. Його офіційне відкриття відбулося 2 січня 1894 року. Матеріалами для досліджень повинні були слугували також церковно-парафіяльні літописи, перша частина яких мала бути ґрунтовним історико-статистичним описом парафії. До нашого часу дійшло 427 таких описів зі всієї історичної Волині.

Мал. 2. Титульна сторінка статуту дослідників Волині (1900 рік)

Опис Стрітенської церкви мав би бути одним з найцінніших, оскільки його обсяг складав за каталогом 100 аркушів (тобто 200 сторінок), а з чернетки можна зробити висновок, що написаний він доволі детально та кваліфіковано.

Не склалося з Стрітенською церквою, проте вдалося знайти і скопіювати літописи Свято-Троїцької церкви м. Олика (на Заворотті) (6 арк.) та ближніх церков у Жорнищах і Дідичах (8 і 16 арк.).

Ознайомившись з діяльністю церковно-археологічного товариства, автор згадав про ще один документ, який уже років з тридцять є у власному архіві і колись був скопійованим у Бібліотеці ім. В.І. Леніна в Москві. Це статут товариства дослідників Волині. Він був проведений на найвищому державному рівні – можна лише здогадуватися чого це вартувало його ініціаторам у відомій своїми бюрократичними традиціями царській Росії – та затверджений у квітні вже 1900 року (фото його титульної сторінки докладається – мал. 2).

3. Подвижники рухають світом

Автору, після того, коли з'ясував масштаби згаданого подвижництва, стало трохи сумно. Дійсно, 120 років тому з освітою пересічних громадян було, безсумнівно важче, та й для священнослужителів це була далеко не „фахова” діяльність. Проте її масштаби вражають. У нашому ж освіченому вже новому навіть не столітті, а тисячолітті, в самій Олиці знайдеться ледве кільканадцять осіб, які глибоко цікавляться історією свого краю.

Повертаючись до автора рукопису, о. Микола Червінський народився в 1871 р. у селі Цурків Дубенського повіту, нині Здолбунівського району, на Рівненщині. (Як для автора, не так вже й давно, це

всього ровесник дідів; проте неблаганний час швидко вимиває з пам'яті поколінь колись загальнодоступну інформацію після відходу у вічність їхніх останніх представників). У бібліотеці Цуркова вдалось з'ясувати лише, що його дід Феофан Львович був тут священиком протягом 1842-69 років. З клірових відомостей Стрітенської церкви відомо також, що його батько теж був священиком; з них же стало зрозумілим, що сам він служив у цій церкві до 1905 року.

Подальшому пошуку допомогли матеріали ДАЖО: о. М. Червінський у 1905 р. отримав очевидне підвищення по службі, ставши священиком Соборної Воскресенської церкви у Рівному [12]. Проте служив він у цьому Соборі відносно недовго – до 1912 року. А потім його, здається, буквально випхали на далеку периферію – спершу в Красилів Староконстантинівського повіту, а потім – Чепелівку цього ж повіту [13], де й нині відсутній телефонний зв'язок бодай з сільрадою. Єдине, що з'ясував у Красилівській районній бібліотеці та у благочинного – це те, що про нього нічого не відомо.

Для автора така ситуація з рівненським Собором є, принаймні, дивною: такий злет для М. Червінського, і таке падіння. Маю таку робочу гіпотезу. Свого часу з'ясував з клірових книг у фондах Державного архіву Рівненської області, що тоді у Соборі першою особою був отець Віталій – «великорос», який до того ж був переведений сюди з Поволжя. Цілком імовірно, він міг важко сприймати підлеглого, якщо йому стали відомі слова автора рукопису щодо справжнього відношення оличан до «москалів» (див. нижче).

Та й організаційних здібностей у М. Червінського могло бути більше, ніж у його «шефа», адже це він став організатором на нинішньому Залісочі (тоді – передмісті Олики) «справжньої» місцевої школи, яка стала в першій половині ХХ ст. „Могілянкою” для дітей половини нинішнього Ківерцівського району та прилеглої частини Рівненської області. Робилось це за активної участі парафіян, про що свідчить ще одна копія з церковного архіву – так званий «Приговор» від 17 листопада 1896 р. (див. мал. 3). До речі, внизу сторінки серед підписів парафіян – підпис прадіда автора: Панас (Афанасій) Жо(у)втянський.

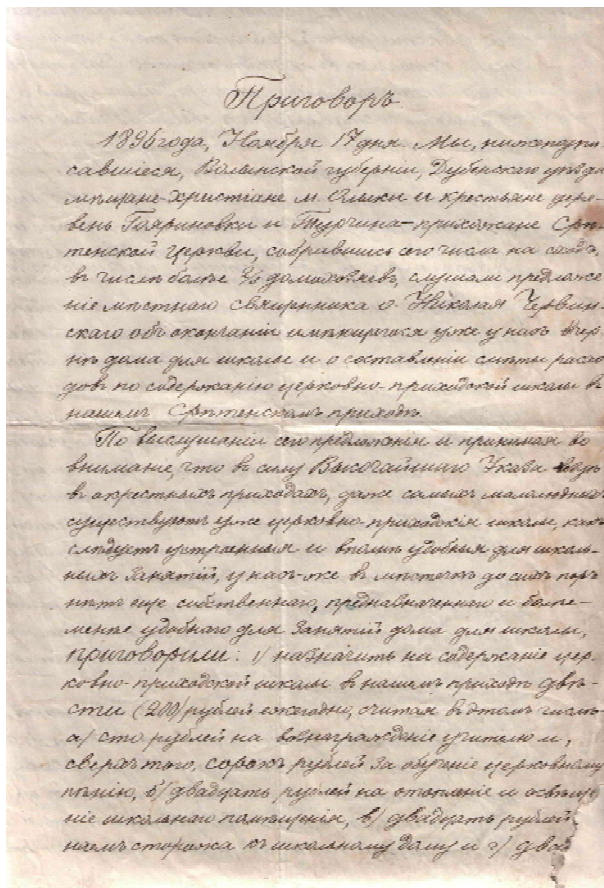
Як і личить «Могілянці», з того часу є на Залісочі, на найвищій частині старовинних оборонних валів своя «Бурса», де колись жили діти з далеких сіл [14]. Пізніше ця школа поділилась за місцем початкової дислокації на власне Залісочівську (тоді – майже строго навпроти добре відомої Луцької брами) та на Олицьку – у нинішньому «с.м.т».

З матеріалів «Приговора» для автора цих рядків «замкнулась», нарешті інформація щодо олицької школи, про існування якої з 1789 р. автор з неабиякою гордістю пам'ятає ще з часу навчання у Київському державному університеті ім. Т.Г.Шевченка, де він не полинувався поцікавитись історією цього навчального закладу [15]. Справа в тому, що таких шкіл до створення університету в 1834 р. було тоді всього сім на всю величезну Волинську губернію [14]. Проте існування школи в умовах уже Російської імперії могло бути не безперервним: то не було фінансування, то заважали епідемії масових захворювань. Матеріали «Приговора» підтримують точку зору і автора цих рядків [14, с. 63], і луцької дослідниці Є. Ковальчук [16], щодо давнього започаткування тут функціонування школи, яка здійснює безперервний навчальний процес. Проте спочатку вона була маломісною і темною, а вже «матеріалізація» рішень цього «Приговору» дозволила вирішити проблему шкільного приміщення, як це впливає також з публікації М. Гика [17], починаючи з 1897 року. Дещо детальніше про це – нижче.

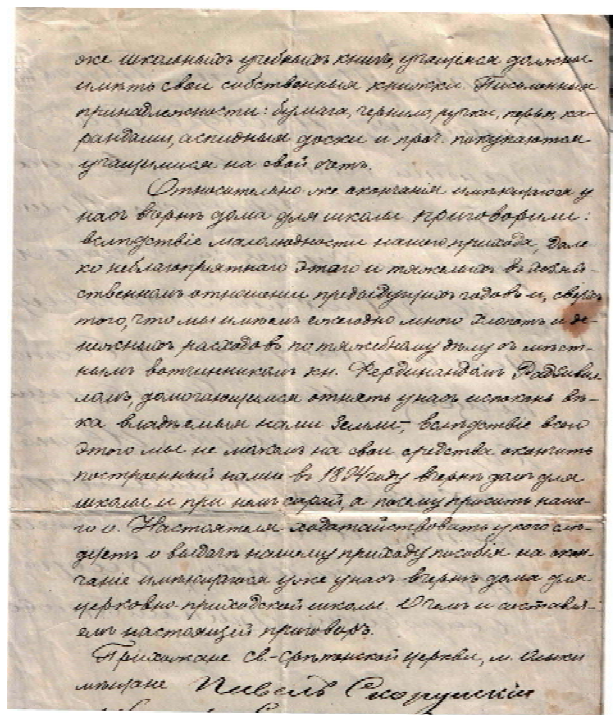
...Автор добре пам'ятає «редакційні кліше» колишньої обласної газети «Радянська Волинь» щодо «Радзивіллів – нещадних визискувачів українського народу». Якось це дуже різало очі навіть у другій половині 80-х рр., коли автор почав активно збирати матеріали про Волинь та Олику після своєї першої публікації у районній газеті [18].

На зміну їм прийшло повне любування родиною Радзивіллів, маючи на увазі художні книги мого колеги за об'єктом досліджень П.О. Боярчука [19, 20]. (Це, до речі, стосується практично всіх сучасних видань). Більше того, в першій з них він стверджує стосовно подій відомого Олицького рільничого страйку 1934 р., що це комуністи спровокували людей до цієї акції. Проте в другій, після дискусій з автором цих рядків, ця думка вже не фігурує. Сам Петро Оксентійович реалізував нездійсненну для автора цих рядків мрію – зібрати десь у клубі олицьких старожилів та в живому спілкуванні з'ясувати невідомі сторінки недавньої олицької історії. Тільки зробив він це «уроздріб».

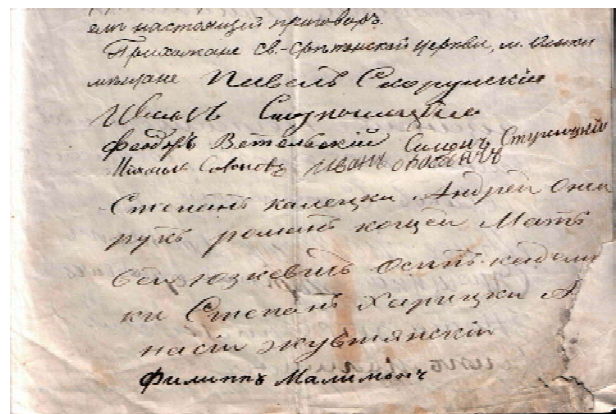
Стосовно Радзивіллів є одна методологічна некоректність – інформація про них зібрана переважно у людей, які були хоч якось наближеними до цієї родини, наприклад, служили в замку. Проте жоден господар не залучатиме до найму в найближче оточення несимпатичних для нього людей. Отже загальна тональність такого опитування є наперед передбачуваною. Якщо ж взяти до уваги інший приклад спогадів про ці часи сусідки автора на Двірці Н.С. Дмитерчук (1931-2015) [14, с. 48-49], то його тональність у зв'язку з жорстокими штрафами тих часів є зовсім іншою.

а

б

Мал. 3. Фрагменти „Приговора” щодо будівництва в Олиці школи: а – титульна сторінка; б – постановляюча частина (верхня частина) та підписи (нижня частина)

Тим більш важливою для розуміння загальної ситуації є мотивація, яку автор цитує тут зі згаданого «Приговору» (цитовання – мовою оригіналу з приведенням до сучасних граматичних норм): «Относительно же окончания имеющегося у нас вчерне дома для школы приговорили: вследствие малолюдности нашего прихода, далеко не благоприятного этого и тяжелых в хозяйственном отношении предыдущих годов и, сверх того, что мы имеем ежегодно много хлопот и денежных расходов по тяжёбному делу с местным вотчинником кн. Фердинандом Радзивиллом, домогающемся отнять у нас испокон века владеемые нами земли...» (див. оригінальний текст на мал. 3,б виділено мною – Ж.В.).

Цікаво, що на час написання свого рукопису про Стрітенську церкву його автор прожив в Олиці всього півроку. І цим він цілком уклався в донині триваючу традицію, згідно з якою найбільш відданими оликознавцями були і є некорінні оличани: П.Л. Жуковський (1919-95), П.С. Боярчук (1947-2013), Л.Б. Луцюк (1926-2014), А.С. Гура (нар. 1952). Проте не будемо надто «посипати голови оличан попелом», бо все таки з нині сущих П.В. Ярошук (натхненник написання книг [19, 20], нар. 1931) та автор цих рядків – з істинних оличан.

До перших з них, безумовно, слід додати також польського письменника Юзефа Крашевського

(1812-1887) [3]; якимось автором мав нагоду схилити голову на честь його пам'яті в Кракові у костелі на Скалці, де він похований у пантеоні видатних поляків. Тут же слід згадати автора детальної публікації [21] С. Томковича; проте в автора цих рядків відсутня інформація щодо його долі.

4. Структура рукопису М. Червінського

Ця структура повинна була відповідати певним настановам щодо їхнього загального порядку. В остаточному вигляді в рукописі вона є такою:

1. Парафія.
2. Парафіяльний храм:
 - 2.1.1. Зовнішня частина храму;
 - 2.1.2. Внутрішня частина храму;
 - 2.1.3. Пам'ятки храму.
 - 2.2. Начиння церковне;
 - 2.3. Облачення церковне;
 - 2.4. Церковна бібліотека;
 - 2.5. Церковний архів;
 - 2.6. Нерухоме церковне майно;
 - 2.7. Опис Хрестовоздвиженської церкви на кладовищі.
3. Притч церковний та його історія:
 - 3.1. Попередні священики церкви (поіменно).
4. Парафіяни:
 - 4.1. Загальна характеристика;
 - 4.2. Зовнішній побут парафіян;
 - 4.3. Економічний побут парафіян;
 - 4.4. Соціально-юридичний побут парафіян;
 - 4.5. Релігійний побут парафіян;
 - 4.6. Стрітенсько-храмове свято;
 - 4.7. Моральність парафіян;
 - 4.8. Розумовий розвиток парафіян;
 - 4.9. Співіснування націй.
5. Церковнопарафіяльні заклади:
 - 5.1 Народні школи;
 - 5.2. Церковнопарафіяльне опікування;
 - 5.3. Церковна богадільня.

У попередніх публікаціях автор цих рядків уже частково звертався до матеріалів розділів 1 – 3. Нижче цитуються матеріали переважно з розділу 4 рукопису відповідно до вказаного вище (див. розділ 3) принципу цитування.

5. Прихожане

Трудно определить с большею или меньшею вероятностью, с каких пор образовался Олыкский Сретенский приход. Если местность Олыки и была заселена с давнего времени, то во всяком случаи еще нельзя сказать, чтобы с этого- же времени существовала правильно организованная приходская община с приходским храмом. Можно предположить, что когда Кишки (*це – приклад популярних тоді прізвиськ: йдеться, імовірно, про те, що в XV ст. Олика належала Петру Яновичу Монтигірдовичу (? – 1498) – який у свою чергу, був прозваний Білим – воєводи троцькому і гетьману великому литовському, який близько 1460 р. став фундатором парафіяльного костелу на Турчині. Як придане його єдиної дочки Анни, Олика перейшла в кінці XV ст. до воєводи смоленського, потім гетьмана литовського Станіслава Петровича Згерського, якого і прозивали Кишкою – Ж.В.*) вступили во владение Олыкой, то тогда они построили недалеко от своего замка православный храм (это и был глухо указываемый народным преданием древний храм в местности теперешнего Турчина). Но составляло ли в ту давнюю пору поселение один или несколько приходов, какой был храм и какие прихожане – все это вопросы, для решения которых не дает материала столь седая древность. С большею вероятностью можно говорить о судьбах прихожан по мере того, как из глубины веков мы восходим к более позднему времени. Когда Олыкой стали владеть князья Радзивиллы, когда они привлекли сюда путем разных

льгот и привилегий достаточное количество населения, то они, естественно, должны были позаботиться об удовлетворении религиозных нужд своих православных подданных. Князь Михаил–Казимир Радзивилл говорит в своей эрекции (от 30 июня 1727 года), что «Cerkiew w Miescie Naszym Zalesoczcu lubo jest prio Ordine przez Świętey Pamięci Antecessorow Moich fundowana [22, с. 1]». (Тут і дальше автор рукопису постійно посилається на «Книгу прав оригінальних» [22] обсягом щонайменше 79 арк., яка визначала, як можна зрозуміти, переважно права власності на церковну нерухомість. Проте в доступному авторові загальному архіві ця книга відсутня; імовірно, вона зберігалась десь окремо від загального архіву – Ж.В.). Но должно быть эти Antecessory – фундатеры церкви – жили довольно давно и память о них, как фундаторах церкви, успела уничтожиться, если князь не называет фундатора церкви по имени, с перечислением всех его титулов и должностей, как это бывает обыкновенно в польско-литовских и западнорусских документах. Приведенные выражения князя Михаила-Казимира наводят на ту мысль, что вотчинники имения – князя Радзивиллы строили (fundowali) для своих православных подданных храмы. Сами неправославные, Радзивиллы не могли допустить существования православных храмов возле своего замка и костела. Поэтому – то православные храмы были отодвинуты на предместья Miasta Олыки – Залесочье и Заворотье. Так и могло образоваться два теперешних прихода. К сожалению, пожары церквей, а раньше их – быть может – католическо–униатская злонамеренность, уничтожили всякие данные относительно прошлой судьбе Олыкских православных приходов. Нет известий, пустили–ли какие корни в православном Олыкском населении социнианство и кальвинизм, которыми увлекались владельцы Олыки. Отец А. Сендульский приводит рассказ Несецкого об изгнании из Олыки православных и опровергает этот рассказ [1, с. 568 – 569]. Но в основе рассказа Несецкого нельзя признать той мысли, что в Олыке очень рано и притом насильственным путем была введена Брестская уния между православием и католичеством. Такие ревностные паписты, как Станислав (ум. 1599) и Альбрехт–Станислав (умер 1656 г.) Радзивиллы, наверное, обратили православных жителей Олыки в унию. Кажется, что насильственные деяния унии самым вредным образом отразились на религиозно–православной жизни Олыкских униатов. Оторванные от издавна сложившихся религиозных основ жизни, спутанные в своих православных понятиях, с недоумением относясь к новому обряду и, наконец, соблазняемые повсеместными неурядицами в церковной жизни, они кончили тем, что стали очень мало заботиться о выполнении религиозно–православных обязанностей. В заглавии древнейшей сохранившейся метрической книги (от 1720 года) Парох Церкви Стретенской Заружкевич высказывает желание, дабы –

«При крещении Детей шлюбов не давали Восприемников оних,

Где в Грех упадают, Котории Крест Святый ни во что вменяють».

Здесь ясно указывается на отступление от католических норм и нравственных требований христианской веры. Быть может, скажут, что это писано ради красного словца, для рифмы. Но о том же, только в сильнейшей степени говорят и документы историко–юридического характера. Через лет 7 князь Михаил–Казимир Радзивилл издает универсал (23 июня 1727 г.), в котором констатирует упадок среди своих подданных христианской религиозности и нравственности. В примечании мы приводим этот интересный универсал целиком [22] (*відсутній в архівних матеріалах – Ж.В.*); здесь же можно добавить, что сведения о состоянии прихода сообщал князь тот же Залесоцкий пресбитер, склонившись к просьбам которого князь 30 июня того же года дает эрекцию на земли Сретенской церкви, а также и место (pias) для устройства школки, в которой дети могли бы обучаться истинам веры. Если–же парох Залесоцкий так характеризовал религиозно–православное состояние подданных князя, то подобная характеристика прежде всего должна быть прилагается к парафиянам Залесоцкого пароха.

Из этой же эрекции же видно, что со времени издания ее, уже существовала в Олыке при Сретенской церкви богадельня (szpital), в которой могли проживать не имевшие пристанища старухи и вообще бедные.

В дальнейшей истории прихода мы видим, что прихожане отнимают у церкви земли и не особенно–то слушаются своего пароха. Но рядом с этим идет много фактов пожертвований в пользу церкви и заботливости о церковном благополучии. В годы счастливые в хозяйственно–экономическом отношении приток пожертвований на церковь увеличивался; особенно усердные и благочестивые прихожане жаловали в пользу церкви и причта часть своих полей. Но наступали годы неудачные, тяжёлые: церковь тогда мало получала пожертвований. Из церкви–же брали денежные суммы займы и часто уплата долга затягивалась на долгое время; требовалось много раз немало усилий со стороны причта и визитаторов церкви, пока долги будут возвращены.

Отнимались на время от церкви и легованные земли, и бывали случаи, что отторгнутые земли опять леговались в пользу церкви–же. Жизнь, словом, шла обычным чередом по сложившимся на основах Магдебургского права порядкам; действовали должностные лица и представители прихода, вроде

президентов, бургомистров, ратманов, войтов и лавников местечка, цехмистров ремесленных цехов, ктиторов и старших церковных братств, провизоров церкви. За твердо действующим, даже в мелочах, порядкам и городским самоуправлением оставались в тени действующие и правящие лица. Сколько мы не расспрашивали старожилов про более замечательных бургомистров, цехмистров, ктиторов церкви и церковных старост, ответы получали все в роде того: бургомистров было много, но «булы воны бургомистры, як бургомистры».

Цехмистры и ктиторы братств делали то, что поставляли с уплат цехи или братства – и только. Рассказов про каких-либо замечательных лиц из прежних прихожан нам так и не удалось услышать.

По церковным-же записям можно отметить следующих больше-меньше выдающихся лиц: Иван Олексиевич, леговавший в 1728 году, полчетверти (Swiercé) поля в пользу Сретенской церкви и причта, а пол-волоки поля завещавший в пользу Залесоцкого шпиталья. Ктиторы церкви Ипат Обарович и Андрей Нагорный, заведовавшие церковным имуществом после пожара храма в 1753 году и принимавшие живое участие в собирании средств для постройки нового храма. Президент miasta Олыки Максимович, ведавший все приходы и расходы сумм по постройке теперешнего Сретенского храма в Олыке. Марианна Федрицкая завещала в пользу церкви полторы днины поля, а Юлианна Федрицкая завещала 16 декабря 1816 года в пользу церкви пол – волоки поля. Затем, как люди особенно благочестивые (*Osoby szczegolnieyszey roboznosci*) и внимательно относившиеся к нуждам церкви, выдавались Петр Кощей, Кирилл Копыловский и Василий Карпович.

Этим лицам визитатор 1828 года объявляет официально благодарность и каждому из них выдает установленный похвальный лист (*pismo pochwalne urzędowe*) [22, с.56]. В позднейшее время усердием к церкви отличались супруги Александр и Мария Кощей, церковный староста Даниил Малимон и др. лица, о пожертвованиях которых в пользу церкви мы упоминали при изложении истории перестроек в церкви и при описании церковной утвари и облачений. За неимением данных мы не беремся говорить что-либо о влиянии этих лиц на других прихожан.

Откладывая подробную речь о церковно-приходских учреждениях до пятого отдела летописи, теперь скажем об участии прихода в событиях обще-государственной жизни. Нет спора конечно, что в прежнее время мещане м. Олыки принимали живое участие в отражении от Олыки неприятельских нападений, а равно участвовали в схватках князей Радзивиллов с др. магнатами. Быть может немало жителей Олыки состояло в войсках князя Карла Радзивилла – «Пане Коханку». Не известно, обошлось ли мирным путем занятие края русскими войсками в 1793 и 1795 гг. Но можно предполагать, что для утверждения края Россией в Олыке размещен был значительный отряд русских войск. По крайней мере, на фураж и провиант для войск (*cozakuw*) олыкские мещане одолжали из церкви в 1725 году 2,000 злотых. Много отдали они при этом, конечно своих денег, а также давали провиант и фураж натурою. Но присоединившись к России, прихожане м. Олыки стали жить обще-государственной жизнью. Много, нужно думать, погибло их во время Отечественной войны 1812 года; язык цифр в данном случае говорит красноречивее слов: в 1805 году в описании Олыкской Сретенской церкви и прихода, число прихожан выражается в сумме всего 1040 душ. Визитатор-же 1818 года насчитывает в приходе всего 658 душ. Старожилы ничего не рассказывают про польское повстание (*так в оригинали – Ж.В.*) 1830 года, но можно думать, что Олыкский коллегиатский костел не остался совершенно непричастным этому движению. Раньше, по крайней мере, костел владел крепостными крестьянами (теперешняя деревня Гояриновка и соседние сс. Дерно, Одерады и Чемерин), которые «делали панщину на костел и находившуюся при костеле богадельню» (шпиталь), но только эти крестьяне были переведены на положение наемных крестьян.

Исповедные росписи еще в 1841 году отмечают 145 душ крестьян ксендзов коллегиаты Олыкской, но в 1842 году эти крестьяне показаны уже казенными.

Уничтожение в России крепостного права очень мало отразилось в Олыкском Сретенском приходе: мещане не были крепостными; жители деревни Гояриновка уже в 1842 году сделаны были наемными крестьянами. В крепостной зависимости князей Радзивиллов оставалось всего около 30 душ крестьян приселка Турчина. Освобождение их от крепостной зависимости прошло без всяких потрясений. По рассказам старожилов, всем прихожанам были прочитаны и объяснены Мировым посредником (из с. Ново-Малина Дубенского-же уезда) манифест и грамота, уполномоченный князей Радзивиллов объявил, что вотчинники не имеют никаких притязаний к мещанам – и этим окончилось дело. Но сознание народа после освобождения крестьян значительно поднялось: пан потерял в глазах народа свое обаяние; по его требованию перестали являться на работы. При подобных условиях хозяйствовать было трудно; поэтому мелкие землевладельцы сочли за лучшее сбыть свою землю и удалиться. Так поступил тогда некий

Буболевич, усадьбу которого и около 40 десятин земли купил за 3200 рублей Олыкский мещанин Даниил Малимон. Делались тогда поляками попытки поднять народ против правительства, но, по рассказам, лица, распускавшие нелепые слухи, были схватываемы властями. Когда же в 1863 году действительно разыгралось польское повстание, то народ не только не пошел до лесу, но держал «варты» и пойманных подозрительных лиц представлял властям.

В прежнее время нередко были в приходе общественные бедствия. В 1864 и 1881 гг. выгорели значительные части местечка. Около 1850-х годов в приходе свирепствовала холера: особенно потерпела от эпидемии деревня Гояриновка, в иных домах которой вымерли все люди. В меньшей мере свирепствовала холера между православным населением самого местечка Олыки, хотя евреи умирали от холеры, по выражению рассказчиков, как мухи.

Холера появлялась в местечке и в последующее время: в 1872, в 1893 и 1894 годах. Начиналась эпидемия между евреями, но умирало и православное население. Около 1870–же годов в приходе был падеж скота, принявший настолько значительные размеры, что у иных хозяев погиб весь домашний скот. Бывали случаи оспенной эпидемии, настолько давно, что год эпидемии старожилы определить отказывались. В вешнее время полая вода стояла в иные годы очень высоко, но до размеров наводнения в пределах прихода Олыки, за памяти старожилов, она не доходила.

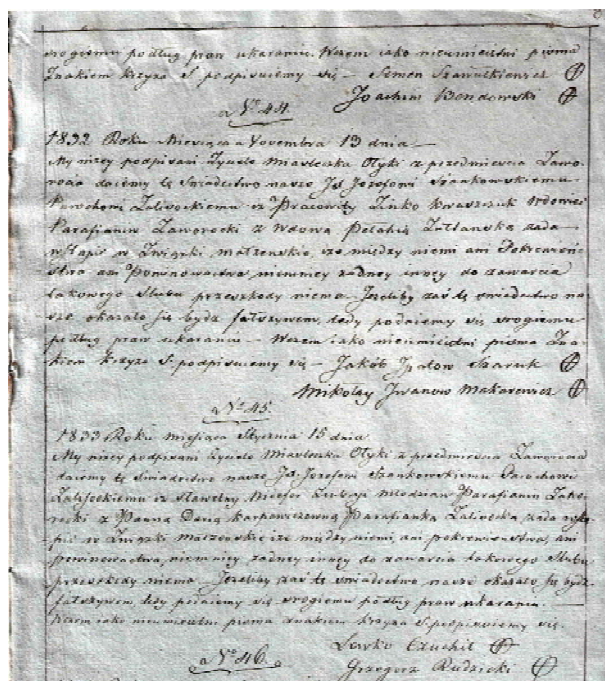
Движение населения в Олыкском Сретенском приходе, за время, от которого сохранились метрические книги, можно представить следующим образом как число душ в приходе: по визитам в 1805 году в приходе было 1,040 душ, в 1818 году – 658 душ. В 1820 году было 731 прихожан, в 1821 году было 729 душ, а в 1828 году – 570 душ. (*Тут автор чернетки рукопису на його полях передбачив у остаточному варіанті рукопису виконати більш детальний аналіз; проте він відсутній – Ж.В.*)

Население Олыкского Сретенского прихода по своему языку (*втрачений фрагмент тексту з одним словом – Ж.В.*) графическим особенностям представляет переход от полесской группы к группе волыно-галицкой (так называем ту часть малорусской народности, которая занимает Западную Волынь, Подляшье (часть Люблинской и Седлецкой губернии) и Галицию; по языку и быту население этих мест немного разнится от группы подольско-галицкой). По бытовой обстановке Олыкский приход – местность чисто волынская: тут прекрасные светлые избы с трубами, тут волынский покрой платья. Но язык представляет пеструю смесь волынских и польских говоров: польский выговор на «у» и «ие» чередуется в приходе с волынским произношением на «о» и «и». Тут можно услышать «вул» и «конь», «мишкие» и «мишки» и т. д. Перевес в этом берет группа волынская.

Долговременная совместная жизнь в местечке с поляками и евреями и частые торгово-промышленные сношения с ними сделали то, что прихожане не питают какой-либо вражды к полякам и евреям. Иной раз они ругают еврея словами «жид, свинячье ухо», но с этим-же евреем говорят о своих делах и подчас вместе с ним обдeldывают торговые «гешефты». Подсмеиваются иной раз над поляками – «панками–ляшками», которые прогуляли свою Польшу и вместо «odbudowania oycyzny» угодили «do lasu», но какой-либо вражды к полякам не питают и уживаются с поляками очень хорошо. С неудовольствием отзываются прихожане о солдатах (москалях), которые при проходе через местечко производят немало опустошений в хозяйства ... (*відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*) очень чувствительно проводят простой народ. (*Відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*) сказывается какое-то враждебное отношение (*відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*) ...россам: «кацап», «лапацон» – обычные названия для великороссов. Их представляют головорезами, для которых ничего не стоит погубить человеческую душу. Полусерьезно передаются рассказы о том, как ...чик-великоросс собирался зарезать ночевавшую у них в доме «хахлушку» затем только, чтобы посмотреть как ею (*відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*). В особенности враждебно отзываются о появляющихся здесь партиях великороссов – плотников...? (*відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*) ходебщинках? (коробейниках), разносящих мелкие товары; кажется, что вражда обостряется здесь от соперничества на торгово-промышленном поприще: великороссы-рабочие и коробейники перебивают (*відсутня частина аркушу та 1-2 слова – Ж.В.*) торговлю у здешнего населения.

К полешукам и крестьянам прихожане относятся свысока, пренебрежительно: полешуков они представляют людьми темными и невежественными, которые держатся еще всяких суеверий и предрассудков. С насмешкою говорят прихожане о курных избах полешуков, об оригинальной их одежде и сочувствуют бедности их края, вследствие которой полешуки целыми массами появляются летом на Олыкском базаре, пока их не наймут на сельско-хозяйственные работы по уборке хлеба хозяева с Волыни. Презрительно смотрят прихожане и на крестьян (мужиков): когда то «sławetny mieszczanie» («славетні міщани») – саме так ще у 1-й пол. XIX ст. було прийнято здійснювати записи в метричних церковних

книгах цього містечка, яке мало Магдебурзьке право (див. мал. 4); це – аналог пізнішим «шановний» або, наприклад англомовним “Dear” (дорогий) навіть до незнайомих людей – Ж.В.) и потом причисленные временно к Дубенск... (відсутня частина аркушу та 1-2 слова; йдеться про поступову втрату ролі магістрату в житті містечка в умовах Російської імперії – Ж.В.), они считают себя стоящими выше, чем обыкновенные крестьяне. Пред крестьянами стараются они щегольнуть и своею одеждою, и своим городским обращением, и своею (коверканною) русскою речью. Правда, есть крестьяне и в самом приходе, но эти крестьяне как-то выделяются в сознании прихожан из крестьянского сословия и не считаются мужиками. В приходе считается унижением и бесчестьем жениться на мужичке, или выйти за мужика замуж, поэтому случаи подобных браков чрезвычайно редки. Женятся на своих-же мещанках или крестьянках своего прихода (не мужичках).

Мал. 4. Приклад записів у метричній книзі Олицької Стрітенської парафії за 1832-33 рр.

Вследствие подобного порядка в приходе перепутались родственные связи и то и дело приходится обращаться к архиерею за разрешением на заключение невестами брачного союза, но прихожане не хотят нарушать своих воззрений и допускать в свою среду посторонние элементы.

6. Внешний быт прихожан

Он вообще очень удовлетворителен и не без некоторой даже доли изящества. Избы прихожан (как мещан, так и турчинских и голяриновских крестьян), выстроены из дерева. Представляют они собою довольно чистые и веселенькие здания, построенные «в замки» и с обращенными на улицу окнами, а выходами во двор или садок. Сарай, изба и дымовые трубы чисто выбелены, ставни окон и двери часто разрисованы, возле стен попадаются иной раз «призьба» (возвышения из земли и дерева, вроде дерновой скамейки), а сквозь оконные стекла виднеются поставленные на окнах горшки комнатных растений: полигонии (?), фуксий, доброчиннику (?), луковичных растений и других комнатных цветков.

Через двор или через сад входим мы в небольшие сани: по одну сторону их находится небольшая кладовая (коморка), а с другой стороны дверь ведет в жилое помещение – «хату», которая разделена перегородкой на комнату и ванкир. Стены домов изнутри иногда побелены, а в большинстве случаев гладко выструганы («выгемблеваны») и время от времени для чистоты моются водою. Прямо против входа красный угол или «покут». Здесь висят в два ряда иконы: чаще попадаются иконы Спасителя, Богоматери, Святого Николая, Святого Великомученика Георгия, Святой Великомученицы Екатерины, Варвары, Св. Бессребреников Космы и Дамиана, Митрофана Воронежского, пророка Иова Почаевского и других святых, а также ... праздников; перед иконами иногда висят лампадки; изредка попадаются еще иконы католического письма. Стена под иконами выклеена обоями с разводами и розовыми цветами.

Иконы украшены висящими на них полотенцами, а также искусственными цветами, засушенными растениями, а летом и живыми цветами. Вдоль стен комнаты идут лавки. Под иконами стол, покрытый домотканой или покупной скатертью; на конце стола, обращенном к иконам, лежит, прикрытый концом скатерти, хлеб. Попадают в иных домах стулья и табуреты; очень нередки настенные часы.

Возле входа в хату – с одной стороны большая русская варительная печь, а рядом с нею – нередко – и печка обогревательная. С другой стороны устроена «шафка» (поставец), в котором хранится кухонная утварь: горшки, миски (глиняные «полыванные», а иной раз и белой глины), тарелки (полумисочка), ножи, ложки и подчасть вилки, чугунные горшки («казаны»), медные кастрюли (рондель, ронделека), сковороды (пательня), листы (дека) и очень часто самовары с чайным прибором. От красной стены к печке идет вдоль дома перегородка, не доходящая до потолка, которая отделяет от комнаты ванкирь (небольшая комнатка). На балясине (балке), которою заканчивается эта перегородка, вырезается или пишется следующая надпись: «сей дом сооружен таким–то в таком–то году. Боже благослови живущих в доме сем». Сверху на этой балясине кладутся имеющиеся у хозяев книги. В ванкире помещается спальня хозяев: тут стоят кровати, а также сундуки (скрыни), в которых хранятся одежда и другое имущество. Пол в домах в большинстве случаев земляной, чисто смазываемый глиною, но попадает уже и деревянный пол (пидлога). Возле окон в комнатах и в ванкире располагаются со своими работами хозяева–ремесленники. В коморах помещаются жизненные продукты и разная хозяйственная утварь: тут стоят и кадубы, и кадушки, и дижки, и ночвы, сита, решета, балии и т.д.

Дома содержатся внутри в чистоте и порядке, тут нет места для телят и свиней; считается стыдом для хозяйки, если в доме у нее грязный пол, загрязненные стекла в окнах и «облупленный припечок» (обвалившееся и ободранное продолжение нижней части (чирин) печи. Чистенькие и веселенькие сами по себе дома выигрывают от того, что при них очень часто имеются садки: в них разводятся яблоки, груши, сливы, черешни, вишни, малина и крыжовник. Производство своих садов а ровно и огородов, прихожане частенько потребляют дома, а частью продают на Олыкском базаре.

Сравнительно чисто и красиво одеваются прихожане: головной убор составляют фуражка (кашкет) и зимняя барашковая шапка для мужчин, купленный летний или теплый платок (хустка) для женщин. Попадают платки шерстяные, подчас полушелковые; портки или юбка (сподныця) и рубаха (сорочка) из купленного, а нередко домотканого холста или ситцу составляют нижнюю одежду прихожан. Сорочка иной раз бывает вышита, иногда глаженная, а у женщин сорочка имеет большой воротник, выпускаемый наверх и откладываемый на манер фатмы(?) по верхнему платью. На исподнее платье мужчины надевают: брюки (штаны) из дешевого корту или парусины, жилетку, на нее «куртку», что–то среднее между пиджаком и тужуркой, стягивающуюся на крючки (гапки, гаплыки) или пуговицы (гузики). Поверх куртки мужчины надевают «чемерку» (иной раз она надевается на жилетку), длинный до пят кафтан, по покрою напоминающий сюртук «посіе время». Чемерка шьется из черного или серого плотного сукна и украшается на груди, а также на перехвате сзади нашитыми шнурками и тесемками. Часто сзади чемерки на перехвате пришивается три пуговицы. На зиму прихожане надевают сермяги из толстого серого сукна, а также крытые или нагольные тулупы (шубы) и полшубки (кожухи). Сермяга и тулуп опоясывается несколько раз широким шерстяным поясом, красного или красно–зеленого цветов.

Женщины носят юбки из бархану (недорогая материя) разных цветов, и «куртки» – что–то вроде кофточек, но спускающихся ниже талии. Куртки шьются из ситцу, шерстяной и другой материи, бывают разного цвета, застегиваются спереди на пуговички или крючки, а сзади на талии к ним пришивается три пуговицы, под цвет к куртке. Поверх куртки женщины носят «катанку», длинный кафтан напоминающий мужскую чемерку. Катанка шьется из светлой материи, на ней также нашиваются тесемки из лент, подчас даже мишурные и парчовые. Зимой женщины также одевают сермяги и шубы. «Олыка – богата на лыка» – говорит здешняя пословица, но Вы не увидите олыкского обывателя в лаптях. Мужчины и женщины носят сапоги с длинными голенищами (холявами) и на высоких каблуках (обчасях). Узкие высокие каблуки с подковами с желтой меди отличают парней–щеголей. Девушки–же щеголяют бусами (каралями): чем лучше и богаче хозяин (господарь), тем больше нитей (нызок) каралей должна иметь его дочь. К каралям привешивается «дукачь» – что–то вроде золотого медальона. Иной раз карали с дукачем богатой девушки – щеголихи обходятся в рублей 200–300. Голову девушки украшают цветами и лентами (бынды («банты?» - Ж.В.), стрички).

7. Экономический быт прихожан

Он не вылился в одинаковые формы для данного прихода. Казенные крестьяне с. Турчина и деревни Гояриновки, бывшие крестьяне князя Радзивилла, коллегиаты ксендзов олыкских и Олыкского

костельного шпиталя занимаются главным образом земледелием. При поступлении в казну они получали по наделу, приблизительно по двенадцать десятин (полный грунт) земли, которую и обрабатывают до сих пор. При случае крестьяне занимаются также извозом, рубкой и вывозкой из леса дров и другими случайными промыслами. Особо отведенных пастбищ и лесов у крестьян не имелось сначала. Но скоро наделенное количество земли оказалось недостаточным: увеличение народонаселения и разделы крестьянских семей повели к тому, что земельные участки крестьян уменьшились настолько, что обработка земли еле доставляла скудные средства к жизни; много появилось и бобылей. Поэтому в 80-х годах крестьянам были прирезаны поля из «лаканцовой земли» (местные название той земли, которая была отмечена иллюстрационную комиссией, как не принадлежащая никому, и потому поступила в пользу казны). Все же и в настоящее время количество и качество поделенной земли не дают крестьянам возможности жить одним земледелием.

Далеко сложнее экономический быт мещан. Заселяя свое miasto Олык, князя Радзивиллы естественно должны были заботиться все более о развитии в местечке торговли и промышленности. Действительно, они давали насельникам грамоты на устройство в Олыке ярмарок, а также давали льготы ремесленникам. Наконец Олыке даровано было Магдебургское право. При подобных условиях и под покровительством могущественных Радзивиллов Олыка скоро выросла в торгово-промышленном отношении. В Олыке образовались ремесленные цехи сапожнический, кузнецкий и теперь уже не существующий олейницкий. Кроме того, в сохранившихся церковных записях в среде прихожан Сретенской церкви упоминаются каменщики, столяры, стельмахи (выделяющие повозки с их принадлежностями), золотильщики, маляры и т.д. Но прошли годы и многое изменилось – о цехе олейницком остались одни предания. Цех кузнецкий также теперь распадается (по местному выражению «зепсусья»). Многие другие виды ремесел также сохранились только в народной памяти. Было бы в высшей степени интересно проследить с документально-статистическими данными в руках весь ход постепенного распада цехов и вообще упадка промыслов. Но архив Олыкского ратуша частью сгорел; частью же хранится в архиве Дубенской городской думы, которая видала (*вела?* – Ж.В.) некоторое время дела олыкских мещан. По неволе приходится оставлять мечты о документально-статистическом методе и ограничиться тем сознанием, что когда-то прихожане Сретенской церкви преуспевали в торговле и промышленности, но конкуренция евреев и др. условия жизни значительно уничтожили прежний торгово-промышленный характер прихода. К счастью остается покамест другой источник содержания прихожан – это поля, в разное время данные мещанам вотчинниками Радзивиллами. Мы упоминали уже, что князя Радзивиллы, в видах более успешного заселения своего miasta Олыки, привлекали в имение народ всякими льготами. Они даровали Олыке Магдебургское право, освобождали посельников miasta от разных пошлин и т.д. Между прочим они наделили мещан пахотными и сенокосными землями, за что мещане обязаны были поддерживать в боевой готовности окружавшие Олык валы, содержать военные караулы, готовить и доставлять в замок известное количество пороха и провианта, защищать Miasto и Замок в случае неприятельского нападения. На все это Радзивиллами давались мещанам соответствующие грамоты. Мещане владели без всяких споров и тяжб дарованными на таких условиях землями, иные из них получали земли за чиншевую плату. Эти земли они считали своими и никому не принадлежащими, их передавали своим наследникам, отдельные части из этих земель поступили по завещаниям (легованные земли) или путем покупки в пользу церкви. Прошло не одно столетие – и никто не предъявил никаких притязаний на земли, находившиеся во владении Олыкских мещан и Сретенской Олыкской церкви. Но вот Олыка возвращается в состав Российской Империи: в крае водворился порядок и твердое государственное правление. Теперь не мыслимы уже были между усадебные войны магнатов, теперь являлось анахронизмом существование вооруженных магнатских замков с сидящими в них владельцами-царьками. Обязательства мещан – содержать замок и местечко в военно-оборонительном положении, падали теперь сами собою. Между тем успела вымереть линия князей Радзивиллов – наследственных владельцев Олыкской ординации. Во владение именьями вступила с 1813 года Прусская линия князей Радзивиллов, родственников Российского и Германского Императорских домов.

Мы говорили, что в свое время на пользование землями Радзивиллы давали мещанам грамоты со свинцовыми и восковыми печатями. Говорить подробнее об этих грамотах мы не беремся, так как близко ознакомиться с ними не пришлось. Мещане уже лет сорок ведут с администрацией имения тяжёлое дело за земли; много их документов во время хождения дела по инстанциям, по их же рассказам пропало, а потому теперь они настроены очень подозрительно и не хотят давать своих «паперив» кому-бы то ни было. Количество спорной земли, находящийся теперь в пользовании мещан неизвестно; определенного надела не было, а получали столько, сколько кто мог. Теперь иные из мещан имеют

довольно много земли, но есть и совершенно и безземельные.

Экономический быт прихода в прошлое время представляется в общем следующим: при переходе под русское подданство прихожане были обременены недоимками и страшно бедствовали. В особенности разорял их такой порядок, что с них брали очень много налоговых произвольных поборов. Долго они не могли отделаться от недоимок; лишь милостивый манифест императора Александра II освободил их от этого устаревшего зла. После этого акта высочайшей милости благосостояние прихожан стало возрастать, в настоящее время прихожане занимаются земледелием, но занятие это не особенно выгодное. Земля мало плодородна и требует обильного удобрения; между тем отсутствие у прихожан лесов и особых полей для пастбищ не дает возможности содержать много скота. Обыкновенно в приходе хозяева имеют по одной–две коровы, по паре и тройке лошадей, хотя немало есть хозяев и безлошадных, наконец по штук 5–6 овец и свиней. Покупают прихожане навоз у евреев, но все–таки для надлежащего удобрения земли навоза бывает недостаточно.

Сеют прихожане жито, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, горох и кормовые травы: десятина дает по среднему расчету 4–4,5 копы хлеба, а копа при среднем умолоте выдает 6–7 пудов. Обильного удобрения требуют и огороды, но и в них произрастание огородных растений, как–то – картофеля, фасоли, луку, чесноку, огурцов, дынь, бобу, маку, капусты, кукурузы, моркови, сельдерею, укропу, пастернаку, редьки, брюквы, конопли и других, не бывает особенно успешно. Слабо развито в приходе, да и не имеет благоприятных условий для своего развития пчеловодство: в приходе имеется всего 6–7 пасек и то небольшое – по пней 10–15–20. Кроме занятий земледелием, прихожане обращаются к промыслам и в ремеслах находят для себя те средства к жизни, каких не дает им в потребном количестве мало–плодородная и недостаточная по количеству земля.

Наиболее процветает в Ольке производство сапог: шевский цех и до сих пор не утратил в Ольке своего значения. По местному выражению чуть «не цила Олыка – шевци». Шьются сапоги крестьянские из простой кожи или юфти и продаются на всех окрестных ярмарках. «Зепсувся» теперь (утратил прежнее значение и начинает распадаться) цех кузнечий (ковальский), но все–же и теперь еще есть в приходе несколько кузниц и прихожане успешно торгуют на окрестных ярмарках серпами, косами и другими принадлежностями крестьянского хозяйства. Затем в приходе существуют еще следующие промыслы: выдывается кожа и из нее шьется сбруя (рымарство); из дубленых овчин приготавливаются полушубки (скорнячество); из шерсти ткнут широкие пояса и окрашиваются в красный и красно–зеленый цвет, которыми прихожане бойко торгуют по ярмаркам и особенно в Почаеве 15 августа и в другие дни, когда бывает там большое стечение народа. Есть между прихожанами и искусные плотники, которые нанимаются для постройки домов и других хозяйственных строений. Развит в приходе извоз, рубка и вывозка леса, а также и отхожие промыслы – на железной дороге и на окрестных заводах и фабриках. Многие из прихожан занимаются торговлей в местечке с ларей: торгуют главным образом свиным салом и хлебом, фруктами и огородными овощами, также предметами своего ремесленного производства. Обозначить точно число ремесленников невозможно, так как выборки ремесленных документов или торговых свидетельств не производится, да и какой–либо специализации производства нет, а занимаются теми или другими промыслами в зависимости от обстоятельств. В одном и том же доме, смотря по запасу имеющегося сырого материала, то шьют сапоги, то выдывают кожухи, то ткнут пояса, а при случае из того же дома посылаются кто–нибудь на базар для торговли с ларя.

По давнему обычаю, в местечке бывают ярмарки в 1 и 20 числах каждого месяца. Кроме того, большие ярмарки бывают на Сретение (2 февраля) и на Троицу – дни храмовых праздников Олыкских приходов. В большинстве случаев эти ярмарки больше напоминают «торги» (базарные дни), но если благоприятствует погода и съезжается много людей, то ярмарка бывает очень оживленная.

8. Социально–юридический быт прихожан

Трех–столетнее почти самоуправление прихожан на основах Магдебурского права в высшей степени развило в прихожанах – мещанах социально–юридический смысл и интерес к общественным делам. По местным сношениям с мещанами и крестьяне поселка Турчина, а отчасти и деревни Гояриновки, в значительной степени усвоили себе юридические понятия. Предсмертная воля хозяина о разделе имущества, какие–либо условия на постройку и т. д., долговые и займовые обязательства, хозяйственные расчеты – все это в большинстве случаев делается в форме актовых бумаг, а не посредством словесного соглашения и рукобитья «с могоарычем». Очевидно то время, когда прихожане Сретенского Олыкского храма были «Přnami Sławetnymi Mieszchnami» (так называются обычно мещане в старых документах – *див. також коментар у підрозділі „5. Прихожане», Ж.В.*), когда из их среды избирались президенты

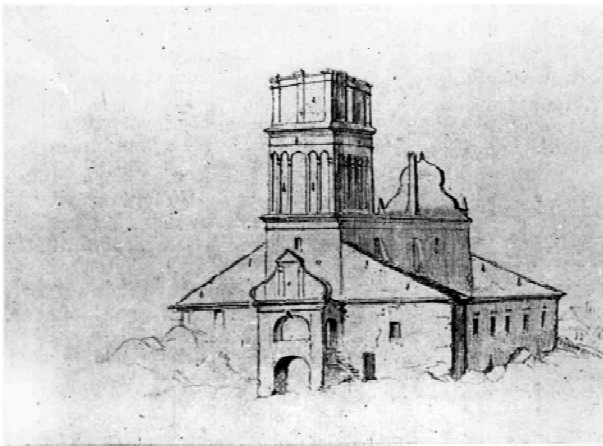
города Олыки, ратманы и лавники олыкского ратуша, цехмистры, старшие и подскарбие цехов, ктиторы и старшие братств, провизоры церкви, – оставило сильное впечатление в сознании народа. Просматривая старинные документы, нередко поражаешься, как сильно было в прежних – громады цехах, братствах, – сознание себя, как юридической личности, насколько живо было преклонение пред урядом (Urządem) и стремление к занесению различных суклок в юридически–актовые формы. Но долгое самоуправление и сильное влияние польского строя и польских обычаев были причиной сильного развития в отдельных мещанах сознания личного я и стремления показать во всяком деле значение своей особы. Что–то в роде польского «pięrozwałat» нашло себе богатую почву среди прихожан; нередко даже хорошее намерение не приводится к благополучному концу потому только, что небольшая группа, а подчас даже отдельный прихожанин – не соглашается с общим мнением и, вложившись «в амбицию», не могут понять, почему это должно иметь перевес решение большинства пред их особым мнением. Нередко участвующие в совещании признают несостоятельность протеста, но пренебречь мнением отдельной личности и идти против «pięrozwałat» кого–либо из своей среды не решаются.

Старожилы не указывают времени, когда от них отнято было Магдебургское право; некоторое время после отнятия этого права делами купцов и цеховых ремесленников местечка Олыки заведовала земская городская дума, причем для распоряжений на месте в Олыку приезжал из г. Дубно стряпчий. Лет–же 15–20 тому назад в Олыке учреждена была «Олыкская мещанская управа» с мещанским старостою во главе. Прихожане и теперь с большим интересом относятся к общественным делам, принимают живое участие в выборе должностных лиц и всегда готовы претендовать на то, чтобы им отдавался отчет по всем приходам и расходам денежных сумм по местечку и по церкви. В выборных властях они признают только своих представителей; объяснения мещан с должностными лицами часто принимают настолько крутой характер, что приходится забывать, что они имеют дело с лицами, облеченными в свои полномочия от правительства. Мещане и в настоящее время держатся того мнения, что их сход (громада) есть сила, с которою должны считаться власти. На сходы являются все хозяева, приходят в собрание и женщины, остающиеся во главе семей, (в старых документах такие семьи носят характерное имя «бабулеи»), и принимают участие в совещаниях, но решающее значение их голос не имеет. При выборе властей прихожане руководствуются тем соображением, чтобы избираемый был человек «почтенный», толковый, который способен был–бы отстаивать общественные интересы, но в то–же время оставался–бы вне подозрений в каких–либо злоупотреблениях. Много также имеет значение при выборах то, чтобы избираемое лицо имело побольше родственных и приятельских связей с избирателями; равно обыкновенные прихожане стараются заручиться содействием особенно богатых и влиятельных соприхожан: этих последних по преимуществу приглашают в кумовья и избирают сватами. Голос богатых и влиятельных прихожан имеет большое значение при решении дел, но часто водка и протест крикунов останавливают благоразумные решения. Нередки также случаи, что небольшая группа прихожан, недовольная решением схода начинает исподволь агитировать против общего решения и добивается путем подпольной агитации того, что принятое решение не приводится в исполнение. Но когда вопрос заходит об общем деле, то прекращаются всякие партийные счеты и прихожане с замечательною солидарностью отстаивают свои интересы. В особенности ярко сказался юридический смысл прихожан в долголетней тяжбе их за земли с ординаторами имения – князьями Радзивиллами.

Мы говорили уже в отделе о недвижимом церковном имуществе, что князья Радзивиллы с давних пор наделили прихожан храма землями, обязавши их за это содержать в военно–оборонительном положении Олыкский замок и самое местечко. Там же указано было, что со временем обязательство мещан пало само собою, хотя земли остались в их владении. Мещане постарались даже закрепить за собою земли в установленном порядке: по рассказам старожиллов, вызван был землемер, который снял на план земли, находившиеся в пользовании мещан, и отделил для них часть Олыкского пруда. Но недолго продолжалось для мещан беспорное пользование землей: пожар уничтожил здание Олыкской ратуши. Кроме этого получено было в местечке предписание отстроить развалины ратуши, чтобы они при окончательном своем падении не прибили кого–нибудь. Мещане отказались, за неимением средств, восстановить здание. Тогда управляющий имением Минхо стал разбирать остатки кирпичных стен ратуши; мещане воспротивились этому и, таким образом, завязалось тяжёлое дело между администрацией имения и обывателями местечка. Возник вопрос, кому принадлежало здание ратуши, а потом – кому собственно принадлежат находящиеся в пользовании мещан земли. Мещане ссылались на свои документы и давность владения: дело стало ходить по инстанциям; во время ведения дела, по рассказам старожиллов, многие из мещанских документов и самый план земель где–то пропали, но мещане признавали все–таки земли своими и не хотели платить за них никакого выкупного платежа. Когда и чем

кончится дело – покажет будущее, но до настоящего времени мещане с поразительной солидарностью и со значительно–таки развитым юридическим смыслом, отстаивают свои владенческие права. Долгое тяжбное дело раздражало мещан и до крайней степени развило в них подозрительность: довольно сказать, что требовалось немало убеждений, пока прихожане соглашались дать сведения нужные для составления настоящей летописи. Им все казалось, что спрашивают их в виду той–же тяжбы с вотчинниками имения; на многие вопросы они по той–же причине отвечали очень неохотно и общо.

Юридическое начало значительно вносится и в семейные отношения: отец пользуется властью и авторитетом в доме не только как старший член семьи и «батько», но и потому, что отцу закон предоставляет власть над делами и распоряжение имуществом. Если даже отец не умеет быть настоящим главой семьи, все же прихожане сообща отстаивают его права и вынуждают детей жить по воле отца, пока последний не умрет. Пред смертью старший в семье всегда почти составляет форменное завещание, в котором и распоряжается своим имуществом: при составлении завещания присутствуют почетные прихожане и часто священник. При этом присутствующие исполняют не только роль свидетелей, но и наблюдают, чтобы имущество было завещано «по правде» и чтобы кто–либо не был обижен. Впрочем, экономические условия жизни и в особенности недоразумения между женщинами–хозяйками делают то, что в настоящее время женатые сыновья все чаще и чаще выделяются из семейства и начинают жить своим особым домом.

а

б

Мал. 5. Олицька ратуша: передній (а) та задній (б) фасади (з фондів Волинського краєзнавчого музею, автор Ю. Крашевський (?), бл. 1839). Про масштаб споруди свідчить порівняння з приватною забудовою (б)

Радзивиллы делали попытки к возврату земель, отданных их предшественникам по ординации. Около половины настоящего столетия действовала Олыкская Комиссия, учрежденная для рассмотрения документов о городских землях. Но по рассказам стариков, мещане не представили в эту комиссию своих владенческих документов на земли: «Наша царица и жена Радзивилла, так – по рассказам – мотивировали они свои действия, родные сестры (*Император Микола I та ординатор Олики того періоду Антоній Радзивілл (1775-1833) були одружені на пруських принцесах – рідних сестрах – Ж.В.*). Если отдать документы, то документы будут похищены, а потом князь – прусский подданный, – отберет наши земли». Не были явлены в эту Комиссию и те документы, на основании которых владела землями церковь. Дело с землями на этот раз не было приведено к какому–либо концу. Наступил 1861 год, но Ординаторы имения не заявили никаких притязаний на находившиеся во владении мещан земли. Лишь с 1865 года началось тяжбное дело за эти земли, которое ведется до настоящих пор. Ординаторы имения считали все земли своими и добивались от мещан выкупных платежей за землю, в размере 50–60 рублей за десятину. Но этого они не могли достигнуть: мещане отстаивали свои права на землю и не хотели выкупать их даже тогда, когда размер выкупных платежей был доведен до 10 рублей за десятину. В свою очередь и администрация имений не уступала: путем каких–то ухищрений она признала мещан – чиншевиками, а находящиеся в их владениях поля – землями, состоящими на чиншевом положении. Дело о чиншевиках затянулось не на один год: выкупной платеж за земли был понижен до суммы в 4

рубля за десятину, с рассрочкой этого платежа на 39 лет, но мещане не согласились и на этот платеж. Теперь же администрация имения – не ожидая конца тяжбы дела с мещанами, не ожидая, пока можно будет решить вправе ли были мещане, завещавшие свои пай в церковь или причту, распоряжаться этими полями, – заводит в Волынской Духовной Консistorии дело о землях, находящихся яко бы в чиншевом пользовании у церкви, и предлагает купить эти земли в вечное владение церкви, с уплатою по 10 рублей за десятину. Но пусть поверенные Ординатора имения князя Радзивилла докажут сначала, что они получили за земли от церкви чиншевую плату. Если же церковные, равно как и причтовые, так называемые легованные, поля будут признаны чиншевою землею, а польско-немецкая администрация имений соглашается уступить эту землю в вечное владение православной церкви, с уплатою всего по 10 рублей за десятину, то не согласится ли администрация имения уменьшить размер выкупных платежей. Размер выкупного платежа от мещан с первоначальных 60 рублей за десятину низведен теперь до 4 рублей. От церкви администрация требует на первый раз выкупной платы по 10 рублей за десятину. Но нельзя ли заключить по аналогии, что и церковь должна уплатить за землю далеко меньше, если только она должна еще платить что-нибудь вотчинникам-Радзивиллам.

В заключение же отдела о недвижимом имуществе церкви приходится сказать, что дело о легованных церковных полях чрезвычайно запутано. Ни количество легованных земель, ни их прежние границы точно неизвестны, а какой оборот примет это дело при дальнейшем ведении его – покажет будущее.

9. Народные школы

Еще князь Михаил-Казимир Радзивилл в своей эрекции от 30 июня 1727 года дает землю для постройки школы для обучения детей. „Визиты” церкви также постоянно говорят о школе, а сохранившиеся документы свидетельствуют, что в приходе всегда был достаточный процент грамотных людей, способных или писать нужную бумагу, или же хоть подписаться под нею. К сожалению, каких-либо статистических данных о деятельности школы нету и вывести их невозможно. Нет школьных документов и за последующее время: в приходе с давних пор существует школа, но это нечто вроде школы грамоты. В одну из комнат церковной богадельни (шпиталю) собираются по зимам дети, которых и обучают грамоте псаломщики, получая за это с каждого ученика по 50 копеек в месяц. Какого-либо правильного порядка в классных занятиях доселе не было заведено: не было точно определено ни количество учеников в школе, ни предмет занятий, ни уровень познаний, требуемых от пришедшего в школу. Получая некоторые познания, ученик бросал школу, и образование продолжалось дома, а довершала его промышленно-торговая жизнь. Не была обеспечена школа и какими-либо материальными средствами.

Несмотря на подобные условия, грамотность в приходе значительно развита: если между стариками есть неграмотные, то молодежь почти поголовно умеет читать и писать. Учатся грамоте у причетников, у отставных солдат, а также у разных странствующих учителей; обучают детей старшие члены семьи, умеющие грамоте, не исключая и женщин, наконец, молодежь в свободное время упражняется совместно в чтении и писании и т.о. выходит нечто вроде взаимного обучения. Высказываются пожелания, чтобы и девочки знали грамоту и при этом обучались женским рукоделиям. Ознакомившись с грамотой, иные прихожане поступают в мастерские народные школы, в Белокриницкое сельскохозяйственное училище, а также занимают места на станциях железной дороги. В Олыкской волости, в Олыкском мещанском управлении и у проживающего в м. Олыке Станового Пристава, также нередко занимаются письмоводством олыкские-же прихожане. В приходе не только нет какого-либо предубеждения против школ, но наоборот – высказывается желание, чтобы в местечке была своя школа. В настоящее время в Сретенском приходе отстроено вчерне здание для церковно-приходской школы, но для окончательной отделки школьного дома не хватает средств. Предположено просить о вспомоществовании на отделку школы Волынский Епархиальный Училищный Совет, но до сих пор прихожане не составили еще формального приговора о содержании школы, а потому и просить о пособии еще нельзя (*саме про нього, як про реалізацію цього задуму, йдеться в розділі 3 – Ж.В.*).

10. Умственное развитие прихожан

Тут наводиться частина підрозділу рукопису з такою назвою, яка має безпосереднє відношення до народної освіти – Ж.В.

Умственное развитие прихожан сходится на довольно высоком уровне. Признаком умного человека прихожане считают то, чтобы умный знал грамматику и мог поговорить о божественном, был хорошим семьянином и опытным хозяином, умел вовремя и с выгодой продать произведение своего ремесла,

понимал – наконец толк в общественных делах и умел подать вовремя хороший совет. Прихожане уважают такого умного человека, но и не особенно его долюбивают, потому что умный человек как бы превосходит решение «общества» и не дает хода крикунам, а равно противится какому–бы то ни было самоуправству и не допускает злоупотреблений. Сообразно с такими требованиями от умного, в приходе в сильной степени развита грамота: если между стариками есть еще неграмотные, то молодежь почти поголовно умеет читать и писать. Есть и такие, что могут читать и писать на польском, а иные разбирают еврейский разговорный язык. Очень многие высказываются и за то, чтобы девушки обучались грамоте и приучались к рукоделиям. Очевидно, что старание князей Радзивиллов, с давних пор отведших «proi riacy na szkoike», в которой дети обучались–бы истиной вере, а равно необходимость грамоты при торгово–промышленных сношениях, сделали то, что население очень ценит и уважает грамоту. С давнего времени в приходе существует школка: она помещалась в половине «шпитального» дома и в ней псаломщики обучали детей грамоте. Были также вольнонаемные учителя из отставных солдат и грамотных стариков, но сильно распространяется грамота также путем обучения детей старшими в семье. В настоящее время в Сретенском приходе воздвигается дом для церковно–приходской школы – и эта школа в значительной мере будет удовлетворять стремлениям народа к образованию, потому что до сих пор в местечке не было ни одной надлежаще устроенной школы – министерской–то или церковно–приходской. Зная грамоту, прихожане с любовью и усердием собирают книги и читают в праздничные, особенно зимние вечера: в редко каком доме не найдется псалтыря, часослова, требника, попадаетса часто Новый Завет, книги акафистов и молитвословы, учебные книги, а также дешевые народные издания. Но каких–либо замечательных книг или рукописей в библиотеках прихожан нам не встречалось.

11. 3 „Клірових відомостей Свято-Покровської церкви с. Чепелівка Старокостянтинівського повіту”

Трапилось так, що автор, спеціально рухаючись „на перекладних” з Києва в Олику, одразу наступного дня після підготовки матеріалу розділу 3 „Подвижники рухають світом” отримав можливість ознайомитись в ДАЖО з власним баченням отця Миколи Червінського на його переведення в Чепелівку. У перший рік свого „заслання” у графі „Подвергался ли взысканиям...» [23] він з великою гіркотою (на скільки це можливо в офіційному документі) пише: «Под судом и следствием не состоял и не состоит и юридически или заслуженно взысканиям не подвергался, только в 1912 году безо всякого суда, следствия и без указаний вины переведен 24 апреля в м. Красилово, а затем, за отказом свящ. м. Красилова о. Роганского ехать в Ровно, – в глухое и отдаленное село”. Це написано для нас з Вами, шановний читачу.

А наступного року вже і цей „ліричний відступ” відсутній, натомість оцінкою благочинного йому є „Весьма хорошо» на фоні «Отлично» для псаломщика...

Документи пізнішого періоду цієї церкви в архівах Житомира, Луцька, Рівного та Хмельницького відсутні. Як повідомили автору усно з районного центру Красилів, сама Свято-Покровська церква у радянський період була зруйнована і вже відбудована в незалежній Україні.

12. Висновки

Введені в науковий оборот досі невідомі частини рукопису о. Миколи Червінського «Церковно-приходская летопись Свято-Сретенской церкви и прихода мест. Олыки Волынской епархии» – одного з найкращих зразків релігійного краєзнавства Волині.

Значною мірою саме завдяки зусиллям цього священника в Олиці створена повноцінна школа, в якій пізніше вчилися діти значної частини нинішнього Ківерцівського району та прилеглої Рівненщини.

Наголошується, що більшу частину XIX століття олицькі міщани провели в судовій тяганині з князями Радзивіллами за права на землю. Це стало предтечею майбутнього Олицького рільничого страйку в 1934 році. Адже князь продовжував таку ж практику збагачення й надалі: використовуючи нерегульованість прав на землю та маючи можливість залучати найкращих адвокатів, він легко вигравав спірні питання щодо землі на свою користь [25].

Показано, що традиції Магдебурзького права цього старовинного княжого міста, хороший рівень освіченості та культури олицьких міщан і селян стали основою майбутнього „Олицького феномену” – відсутності, фактично, братовбивства з політичних мотивів у містечку в найбільш жорстокі часи Другої світової війни. Іншими словами – зразком європейської політичної культури.

Більше того, точні спостереження зовсім молодого тоді священника щодо характеру збережених в олицькій спільноті традицій Магдебурзького права можуть слугувати хорошою ілюстрацією і для нагальних проблем українського сьогодення. Адже йдеться, фактично, про співвідношення „правової держави” і

держави „по поняттям”, яку традиційно несе з собою „русский мир”. Що може бути зараз актуальнішим?

І не випадково – свідомо чи несвідомо – носії цього „мира” зробили все для витіснення Олики на периферію суспільного життя, перетворивши її на понівечене „с.м.т.”. Адже, якщо навіть не говорити про скалічений замок, то центр Олики – це не та велика площа, де нині (як і колись) збираються ранкові ярмарки. Центр Олики це – аналогічно, як у Кракові – споруда „Сукенниці” (знову ж таки на території психлікарні – будинок, на фасаді якого зазначений рік будівництва „1901”), під яким колись був арочний проїзд, а сама вона була оточена зі всіх боків власне площею. Збудована вона вже після руйнації міської Ратуші, яка знаходилась приблизно навпроти „контори” тієї ж психлікарні.

Тут мимоволі виникає аналогія щодо неврегульованості земельних питань в Олиці аналогічно до ХІХ століття. Автор, звичайно, не може знати, на яких засадах Міністерство охорони здоров'я розташовує психлікарню в олицьких спорудах. Але, щоб зайняти значну частину центральних вулиць та центральну ж площу – фактичну „душу” міста, спотворивши її неоковирно-гнітючими стінами, ґратами, тощо? Це можна уявити хіба що для стилю радянської неправової системи.

Нічого не змінилось вже й в українській державі – немає значення: свідомо чи несвідомо. Хоча, здається, свідомо. Принаймні, якщо порівняти якість поліських та олицьких доріг...

1. Сендульський А. Местечко Олыка Дубенского уезда // *Волынские епархиальные ведомости, часть неоф.* – 1878. – №15, С. 564–575.
2. Теодорович Н. И. *Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии.* – Почаев, 1889. – Т.2. – С. 938 – 940, 968 – 985.
3. Kraszewski J. *Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy.* – Wilno. – 1839. – Т. 1. – S.10 – 11, 213 – 231.
4. Пероговский В. Местечко Олыка // *Волынские губернские ведомости, часть неоф.* – 1869. – №№ 15, 16.
5. Н. Червинский. *Церковно-приходская летопись Свято-Сретенской церкви и прихода мест. Олыки Волынской епархии* // *Архив Сретенской церкви, с. Залесочье, Волынской обл.* – 1896. – 144 с.
6. В. Жовтянський. Про літописний топонім „Олика” та пам'ятки однойменного містечка на Волині [Електронний ресурс] // *Волинський музей. Історія і сучасність : матеріали V Всеукр. наук. істор.-краєзн. конф. : наук. зб. (Луцьк, 16 травня 2014 року). Упоряд. А. Силук.* – Луцьк, 2014. – С. 385 – 397.
7. В. Жовтянський. Стрітенські мотиви // *Газета “Вільним шляхом” (м. Ківерці, Волинської обл.)*. – 2015 р. – 14 лютого.
8. В. Жовтянський. *Світ предків* // *Там само.* – 2015 р. – 18 квітня, 25 квітня.
9. В. Жовтянський. Вага слова і вага золота // *Газета “Луцький замок”*. – 2016 р. – 16 червня.
10. В. Жовтянський. *Українська наука: від мудрості батьків... Ч.1. Гуманітарний вимір* // *Світгляд.* – 2016. – №3 (59). – С. 22 – 29.
11. М. Костриця. *Релігійне краєзнавство* // *Наукові записки Національного університету “Острозька академія”. Сер.: Історичне релігієзнавство.* – 2009. – С. 112 – 128.
12. *О перемещении священников: Соборной г Ровно церкви Константина Букоемского в г. Дубном Ильинской церкви, священника Ильинской церкви Петра Корниевича в м. Олыку Дуб. уезда и священ. м. Олыки Николая Червинского в Ровенский Собор (нач. – 12.04.1905; оконч. – 01.09.1905).* ДАЖО, ф. 33, оп. №1, спр. №858.
13. *Перемены по службе* // *Волынские епархиальные ведомости, часть офф.* – 1911. – № 38; 1911. – № 43; 1912. – № 19; 1912. – № 27.
14. *Олицький феномен: Віктор Жовтянський: біобібліогр. нарис* / Центр. б-ка Ківерці. РЦБС Волин. обл.; упоряд. І. М. Вергун. – Ківерці : [б. в.], 2013. – 79 с. (<http://bibl-kiv.org.ua/publish.php?id=2>).
15. *История Университета св. Владимира / Сост. Владимирский-Буланов М.Ф. Т.1.* – Киев, 1884. – 674 с.
16. Є. Ковальчук. *Пам'ятки православ'я Олики* // *Минуле і сучасне Волині та Полісся. Олика і Радзівілли в історії Волині та України : матеріали ХVІІІ Волин. наук.-практ. істор.-краєзн. конф. : наук. зб.* – Луцьк, 2006. – С. 134 – 136.
17. Гика В. *Історія Олики від найдавніших часів до сьогодення в документах державного архіву Волинської області* // *Там само.* – С. 102 – 118.
18. В. Жовтянський. *Це наша пам'ять : Відкритий лист до громадян Олики* // *Газета “Ленінським шляхом” (м. Ківерці).* – 1988 р. – 20 березня.
19. Боярчук П. *Про що мовчить стара Олика.* – Луцьк: Надстир'я, 2009. – 192 с.
20. Боярчук П. *Радзівілли і стара Олика.* – Луцьк: Надстир'я, 2013. – 504 с.
21. Tomkowicz S. *Oiyuka* // *Prace Komisji Historji Sztukii.* – 1923. – Т. III. – S. 1 – 37, 1* - 24*.
22. *Книга прав оригинальных* // *Сретенская церковь, с. Залесочье, Волынской обл.* – 79 с.
23. *Клировые ведомости по церквях 2-ого округа Староконстантиновского уезда за 1912 год.* ДАЖО, ф. 1, оп. №78, спр. № 456.
24. *Клировые ведомости по церквях 2-ого округа Староконстантиновского уезда за 1913 год.* ДАЖО, ф. 1, оп. №78, спр. № 473.
25. П. Юшковець. *Олицький ярмарковий страйк* // *Ленінським шляхом.* – 1989 р. – 12 лютого.